

Жизнь и смерть Михаила Пузырева

Сегодня 40 дней со дня смерти нашего земляка Пузырева Михаила Дмитриевича. Мы публикуем его посмертное письмо, которое он передал в мае 2009 года своему другу Татьяне Владимировне

Филипповой. На конверте была надпись: «Вскрыть после похорон».

«Заканчиваю 94-й год жизни. Большой риск не сказать последнее слово, хотя рассказать душу невозможно.

Знаю, скоро два метра земли на кладбище, добрые глупые речи над гробом, поминальный ужин с водкой и некролог в газете «Двинская правда» Филипповой Т.В.

Не страшно, а больно.

Был, кто, какой? Юноша с обнаженными нервами до самого финала. Я посредственность — да, глупец — да, трус — да, но всегда с открытой душой. Я вошел в жизнь и вышел из нее в чуждое для меня время. Прожито много трудных лет и зим, а другой биографии не возжелал. Кого любил, кого жалел, всегда мало, недостаточно, сознаю...

...Простите и вы меня и будем равными и добрыми.

Храни вас Небо!

10 мая 2009 г. Дед Мазай».

* * *

Я благодарю судьбу, что она свела меня с этим самородком земли русской, пусть и на закате его жизни. Человек огромной культуры - и внешней бытовой, и внутренней творческой, он был носителем истинно русской традиции, воспитанной крестьянским детством и почерпнутой из русского классического искусства. И весь этот благородный культурный сплав преломлялся через его многообразный жизненный опыт и отражался в его произведениях.

Родной стихией Михаила Дмитриевича был спор. Достаточно было выбить из него искру противоречия, и он обращался в пророка. По интеллектуальной глубине его идеи не уступали идеям выдающихся русских мыслителей. Разговор с ним всегда был пиршеством духа.

Бывало, он заблуждался, но заблуждался честно и искренне. Он мог ошибиться в фактах истории, но сеть общественных процессов и закономерностей вскрывал безошибочно. Уровень философских обобщений, на которые он выходил, потрясал воображение. Для этого человека мыслить и жить означало одно и то же.

И этот уникальный «человек в единственном экземпляре» был удивительно совестливым. Его поступки всегда проверялись совестью. Ему постоянно было стыдно - за себя, за страну и народ. Боль за Россию была его личной болью.

...Читаю и перечитываю его книги - и словно вновь слышу его голос, вновь разговариваю с ним. будто и не было трагедии 16 ноября. Михаил Дмитриевич Пузырев жил и остался жить в своих трудах. Он стал достоянием русской истории и русской культуры. Думаю, нужно увековечить его память. А лучший памятник писателю - это издание и переиздание его книг. К сожалению, всех созданных им текстов уже не собрать и не восстановить. Но на книжных полках домашних и общественных библиотек обязательно должна появиться еще одна, новая книга: «Михаил Пузырев. Избранное». И это - дело чести его современников.